DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-3-17-33
УДК: 930.1

БУГАЙ Николай Фёдорович
Институт Российской истории РАН
г. Москва, Россия
ORCID 1D:[http:// orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)
nikolay401@yandex.ru

**ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ В КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(вторая половина 1930-х – 1940-е годы)**

Введение. Многолетний период изучения столь сложной проблемы исторической науки, всестороннее знакомство со сформировавшейся источниковой базой, включающей многие регионы страны, в том числе и места новой дислокации переселявшихся этнических общностей, появление обобщающих трудов по обозначенной теме позволяют обратиться к дискуссионным сторонам темы, суммировать различные точки зрения, произвести обмен мнениями, вывить истинное положение дел в этом отношении, внести уточнения в отдельные количественные характеристики, показать в целом эволюционный процесс, а также имеющиеся недостатки в освещении темы.

Методы. За последние два десятилетия были изданы многие научные труды известных ученых России (В.Б. Убушаев, П.М. Полян, В.Н. Земсков, Х.М. Сабанчиев, С.И. Аккиева, К.Н. Максимов, М.И. Мамаев, Ж.Г. Сон и др.), Казахстана (С.Ш. Казиев, Ж. Ермакбаев), Узбекистана (В. Хан, Д. Рахманкулова, Г. Ким, Р. Шамсутдинов), в которых на богатой научной базе раскрыт процесс принудительного переселения народов и групп населения в 1930–1950-е годы применительно к каждой из названных стран.

Работы базируются в основном на источниках того государства, на территории которого проживали народы в условиях принудительного переселения. Научные труды выполнены главным образом на базе известных методов исторического исследования, в частности историко-системного, информационного, репрезентативного и др.

Результаты. Исследование базируется на основе полученных предшественниками данных. Особый упор при этом сделан на вопросы, которые носят дискуссионный характер. Они в той или иной степени вызывают необходимые дополнительные пояснения, толкование. В числе таких вопросов количественные характеристики подвергшихся переселению представителей этнических общностей и их судьбы, выселение людей по национальному признаку, такие понятия, как «депортация» и «принудительное переселение». Поднимаются вопросы о роли и месте представителей репрессированных народов в защите государства в годы

Великой Отечественной войны, о значении территориального фактора в судьбе граждан, подвергшихся репрессивным воздействиям, о Чечено-Ингушской республике как субъекте права. Изложены также и другие мнения и суждения по разным аспектам проблемы. Приводятся позиции современных политических деятелей Украины, других зарубежных государств.

Ключевые слова: историография, переселение, война, территория, позиция, геноцид, понятие

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Дискуссионные проблемы принудительного переселения народов в Казахстан и республики Средней Азии (вторая полов. 1930-х – 1940-е годы). Историческая и социально-образовательная мысль Т. 12. № 3. С. 17-33 doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-3-17-33

Nikolay F. BUGAY

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Orcid 1D: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)
nikolay401@yandex.ru

**DISCUSSION ISSUES OF FORCED RELOCATION
PEOPLES TO KAZAKHSTAN AND THE REPUBLICS OF CENTRAL ASIA
(second half of 1930s–1940s)**

Introduction. The long-term period of studying such a complex problem of historical science, a more comprehensive acquaintance with its source base, which includes many regions of the country, including the places of the new deployment of resettled ethnic communities, the appearance of summarizing works on a designated topic, allows us to turn to the discussion sides of the topic, summarize the points views of different nature and content, makes it possible to exchange views, deduce the true state of affairs in this regard, clarify individual quantitative characteristics, show the evolutionary process as a whole, and existing shortcomings in covering the topic.

Methods. Over the past two decades, many scientific works of famous scientists of Russia have been published (V.B. Ubushaev, P.M. Polyan, V.N. Zemskov, H.M. Sabanchiev, S.I. Akkaev, K.N. Maksimov, M.I. Mamaev, J.G. Son et al.), Kazakhstan (S.Sh. Kaziev, Zh. Er-mekbaev), Uzbekistan (V. Khan, D. Rakhmankulova, G. Kim, R. Shamsutdinov), in which the scientific base disclosed the process of forced resettlement of peoples and groups in the 1930s–1950s in relation to each of these countries.

The works are mainly based on the sources of the state in whose territory the peoples lived under conditions of forced relocation. The work was carried out mainly on the basis of well-known methods of historical research, in particular historical-systemic, informational, representative, etc.

Results. The study is based on the data obtained by predecessors. Particular emphasis is placed on issues that are debatable in nature. They, to one degree or another, cause the necessary additional explanations, interpretation. Among such issues are the quantitative characteristics of the ethnic representatives who have suffered and their fate, about the eviction of the population on a national basis, about such concepts as “deportation” and “forced relocation”. Attention is drawn to the question of the role and place of representatives of repressed peoples in protecting the state during the Great Patriotic War, the significance of the territorial factor in the fate of citizens subjected to repressive in-

fluences, about the Chechen-Ingush Republic as a subject of law. Other opinions and judgments on various aspects of the problem are also stated. The positions belonging to modern political figures of Ukraine and other foreign states are interesting.

Keywords: historiography, relocation, war, territory, position, genocide, concept

For citation: Bugay N.F. Discussion problems of forced resettlement of peoples in Kazakhstan and the republics of Central Asia (second half. 1930s - 1940s). Historical and socio-educational thought T. 12. No.3. PP. 17-33
doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-3-17-33

Введение. Если попытаться ответить на вопрос: в чем же суть национальной политики в годы войны, то ответ может сводиться к следующему. Это, прежде всего, *мобилизация народов, организация обороны государства, сохранение его целостности, создание условий по обеспечению безопасности страны, консолидации этнических общностей на основе принципов патриотизма в экстремальных условиях военного времени в целях реализации приоритетных направлений развития общества – сплочение, жертвенность, готовность выступить на защиту Родины.* Среди задач – усиление экономического и духовного потенциала в обществе, укрепление военной мощи государства.

Направления в общих чертах, казалось бы, были определены верно и соответствовали положениям Основного закона государства – Конституции Союза ССР. Тем не менее один из провозглашенных принципов строительства межэтнических отношений, которому строго следовал вождь народов И. Сталин, вносил существенные коррективы в ход их эволюции. Прежде всего, это изложенный И.В. Сталиным принцип, главной целью которого было сохранение и усиление власти.

Это так называемый принцип «*проведения видимого интернационализма*», провозглашенный еще в середине 1920-х годов в ходе решения задачи, связанной с необходимостью уменьшения численности граждан армянской и частично курдской национальностей в столице Грузинской ССР. Сталин заявлял, что в целях достижения сбалансированного соотношения представителей других национальностей в столице Грузии Тбилиси можно и необходимо применить «принцип видимого интернационализма», согласно которому можно просто выселить население армян и частично курдов за пределы столицы, что и было сделано.

Последующая практика как раз и демонстрировала его проявление на разных этапах развития общества в Союзе ССР. Особенно находил он яркое проявление в обстановке чрезвычайной ситуации в государстве, включая войну, техногенные катастрофы, наводнения и пр.

Правда, в России этот принцип в несколько видоизмененном виде применялся и в условиях царского режима. Но проявлялся он уже на основе таких социальных явлений в жизни общества, как «доверие» или «недоверие» этническим общностям или группе населения, и, конечно, был прочно связан с психологическим состоянием людей, которым официально придавался статус неблагонадежных.

Во многом он же перекочевал и в советскую действительность.

Результаты. В предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны и в последующее время 18 этнических общностей в полном составе, а также 43 группы населения, принадлежавшие к разным национальностям, принудительным порядком были переселены в восточные регионы страны, преимущественно в Казахстан и республики Средней Азии.

Поэтому следовало бы остановиться на так называемом принципе принудительного переселения *по национальному признаку*, встречавшемся в ряде документов карательных органов государственной власти. Надо полагать, что этот принцип чисто условный. Если его применять, то надо рассматривать то, относительно чего и с какой национальностью он должен соотноситься? А что же осуществлялось не по национальному признаку? Если учесть, что накануне войны на основе указания Сталина в списке переписи 1939 г. оставалось 64 наименования этнических общностей, выселялись, по имеющейся документации НКВД СССР, представители 61 общности, то возникает вопрос: что означает «по национальному принципу», а что – «не по национальному»? Если рассматривать этот вопрос применительно к русскому народу, как самому многочисленному из участвовавших в этих негативных процессах, то он также пострадал от принудительного переселения в общей массе народов. К сведению, под эгидой Н.С. Хрущева: только с территории одной Украины из принудительно выселявшихся 550 826 граждан представителей русских было более 190 тыс. человек [ГА РФ. – Р.Ф.7523. Оп.109. Д.195. Л.50-5].

Кстати, эта вакханалия происходит на территории Украины уже около пяти лет и в условиях современности. Правда, не путем посадки в вагоны и отправки в другие регионы страны на проживание, а путем расстрела граждан на местах, что объясняется якобы несколькими иными реалиями.

Одним словом, начиная с середины 1930-х годов этот период можно рассматривать как принудительное переселение сталинского времени и датировать его с 1935–1936 гг. и до начала 1950-х годов. Затем, по мере развития событий, связанных с началом Великой Отечественной войны, границы принудительного переселения принимали широкие территориальные рамки. Была создана целая система органов власти, курировавших данное направление, произошла своеобразная его институционализация (тройки, принимавшие решения по наказанию, спецкомендатуры, особые совещания, штабы фронтов и армий, ГКО, трудовые и рабочие колонны, батальоны и пр.).

В результате принятия разных мер практического свойства с середины 1930-х и до начала 1950-х годов было переселено принудительным образом в другие регионы страны, более отдаленные от линии фронта, прифронтовой полосы на основе многих решений ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), штабов фронтов и армий, дислоцированных в этих регионах, и также решений правительства (СНК СССР), указов, принимавшихся непосредственно в начале войны и в последующем, 3.5 млн граждан страны.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. констатировал по этому поводу следующее: «В местностях, объявленных на военном положении, *военным властям предоставляется право*: <...> выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой» (п. 3, пп. 3).

Реализации этих мер подчинялся и совместный приказ НКВД СССР и НКГБ СССР от 4 июля 1941 г. № 238/281 «О мероприятиях по выселению с территорий,

объявленных на военном положении, социально опасных лиц вместе с их семьями». По сведениям созданного в марте 1944 г. в структуре НКВД СССР *Отдела спецпоселений*, начиная с середины 1930-х и до конца 1940-х годов (в 1949 г. был произведен переучет спецпоселенцев) на территории страны среди претерпевших принудительное переселение оказались: более 172 тыс. советских корейцев; 1 024 722 гражданина немецкой национальности («советские немцы»); около 640 тыс. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев; 92 тыс. калмыков; 692 тыс. бывших кулаков, в число которых входили преимущественно представители русской национальности; более 194 тыс. крымских татар; около 40 тыс. греков, армян, болгар и итальянцев из Крыма, а также около 30 тыс. греков районов Черноморского побережья Грузии и Краснодарского края; около 100 тыс. турок, курдов, хемшин, цыган Месхетии (Грузия); 556 826 граждан – поляков, русских и др. из Украины; из Белоруссии – более 50 тыс. человек; около 50 тыс. граждан Молдавии; около 230 тыс. граждан Латвии, Литвы и Эстонии, 12 тыс. финнов территории Северо-Запада страны, более 11 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев и представителей других этнических меньшинств [16, с. 169; 8].

Конечно, сам процесс по мере развития вызывает определенные вопросы, в том числе в современных условиях. Предметом дискуссии остаются самые распространенные понятия «*депортация*» и «*принудительное переселение*». Одни граждане, как во многом и ученый мир, широко пользуются термином «депортация», не утруждая себя в том, чтобы разобраться в сущности этого понятия. Другие, в научном мире в первую очередь это историки права, полагают, что такое употребление применительно к Союзу ССР неприемлемо, и одновременно подвергают определенной критике авторов, главным образом историков. При этом поясняют, на какой основе зиждется эта точка зрения, как аргументируется, последовательно доказывается практикой.

Всем акциям по принудительному переселению предшествовало согласование. Ни одна из союзных республик, на территорию которой переселялись народы, не могла быть, как это утверждают отдельные исследователи (Л. Дьяченко и др.), «заложником политики центра» [10, с. 4].

Подобное утверждение является, несомненно, ошибкой, как и утверждение того, что принудительное переселение является исключительно порождением Союза ССР (П. Полян и др.). На практике с древнейших времен принудительное переселение было характерным для многих государств. В рассматриваемый период оно широко практиковалось в странах Западной Европы (Венгрия, Чехословакия, Германия и др.), а также в широком масштабе в Соединенных Штатах Америки.

Весьма сомнительным в научном плане является и определение характера национальной политики как «*репрессивной политики*». Ни один из партийных и советских документов не содержит подобной оценки. Возникает логичный вопрос: есть ли какое-либо государство, чтобы таким образом оценивало собственную политику?

Вряд ли будет правильным определить эти явления и как геноцид. В данном случае надо признать резолюцию российских корейцев, принятую на Международной конференции в ноябре 2017 г. во Владивостоке и приуроченную 80-й годовщине переселения советских корейцев в республики Средней Азии, Казахстан и Астраханский округ Сталинградской области. В документе предлагались рекомендации о внесении поправок в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.). В связи с этим было отмечено: такие понятия,

как «депортация» и «принудительное переселение», имеют в корне отличную семантику и термин «депортация» не применим в данном случае к СССР.

Это также относилось и к понятию «геноцид», введенному в названный закон [1, с. 14, 16, 17].

По мнению участников конференции, термин геноцид «не отражает истинного положения дел в государстве, не соответствует общепризнанным нормам» [1, с. 15-17].

Доктор исторических наук С.Ш. Казиев (университет Петропавловска, Казахстан) такое положение трактует никаким другим образом, кроме как «только надуманностью». По его мнению, она «диктовалась из популярности и политической востребованности тренда в историко-социальной науке в постсоветских государствах» [13, с. 27].

В этом отношении не явилось эталоном даже «Соглашение по вопросам восстановления прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов», подписанное 9 октября 1992 г. в г. Бишкеке. Хотя оно и было наделено статусом «Соглашения международного порядка» [4, с. 440-443].

В эволюции российской государственности *вопрос о территории* оставался всегда актуальным. Его решение в контексте исторического развития представляло для общества ощутимые трудности. Не менее обостренной оставалась эта проблема и в условиях принудительных переселений народов [7, с. 471].

Исследование изучаемой проблемы имеет ценное значение и для науки, и для практики, и в этом его актуальность. Возвращение крымскотатарского населения в 1990-е годы – тому убедительное подтверждение. Нарушение для человека сложившегося природно-хозяйственного комплекса, ландшафта, распределение по территории населения, утрата связей между его частями, смена сложившегося стереотипа в положении личности в том или ином регионе имеют тяжелые последствия для государства, этнической общности, представителя той или иной группы населения, подвергшегося деструктивным воздействиям со стороны органов власти.

Анализ территориального фактора, взаимодействия сообществ на той или иной территории позволяет сделать вывод об особенностях сочетаний советского пространства – универсальности власти, определявшейся ее персонифицированным принципом по всем направлениям хозяйственного и духовного развития общества.

Любое государство должно защищать свою территориальную целостность. Исследование проблемы в последние годы позволяет также сделать вывод, что территориальный фактор остается в качестве определяющего в территориальной идентичности, на что не обращалось внимания как в прошлом, так и в условиях современности. Проблема недостаточно исследована в литературе.

Поэтому не случайно и возникновение дискуссий по вопросам территориальных притязаний, форм реализации и развязки территориальных противоречий. В Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.) был провозглашен и главный постулат его реализации, который сводился к тому, что «в процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территории репрессированных народов» [15, с. 75].

Длительное действие закона позволяет сделать отдельные выводы, особенно в части применения, относительно вызвавших бурные страсти и полемику в обществе вокруг статей закона 3 и 6, касающихся территориальной реабилитации. Эти статьи находятся в определенном противоречии с объявленным главным посту-

латом закона – о соблюдении прав и законных интересов граждан, проживающих на территориях репрессированных этнических общностей, а также и с положениями статьи 67 Конституции России.

В связи с этим дискуссионный характер носит изложение Б.М. Сейнароевым (Ингушская Республика) вопроса о создании государственности ингушского народа¹. Убежденная ингушская интеллигенция, замечает он, полагала, что в условиях Ингушской государственности во главе с ингушом по национальности Пригородный район «не стал бы предметом торгов с коварным руководством Северной Осетии, не был бы с такой легкостью отдан, как это произошло при становлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году» (с. 113).

В данном случае возникает необходимость учета тех реалий, в каких решалась эта проблема. Вряд ли этот вопрос волновал в условиях проводимых мер по возвращению. А потом вместо этой территории Чечено-Ингушской АССР передавались три административных района (земельный массив в 5 тыс. кв. км). Тогда голос ингушей вообще не был бы услышан, так как субъектом права выступала Чечено-Ингушская АССР. В связи с этим вряд ли можно согласиться и с часто применяемым автором утверждением «аннексии со стороны Северо-Осетинской АССР». Дело в том, что по этому поводу работала Государственная комиссия и ею принимались соответствующие решения.

Ситуация 1990-х годов в период создания Ингушской Республики была фактически идентичной 1950-м годам. Ингушская Республика (создана в 1993 г.) не могла быть субъектом права в решении вопроса о Пригородном районе.

Л. Дьяченко, изучая положение принудительных переселений народов Северного Кавказа и частично представителей других народов на территорию Киргизской ССР, также пыталась дать оценку роли и месту территориального фактора в ходе проведения подобных акций. Автор полагает, что реабилитация некоторых репрессированных народов «не была подкреплена территориальной реабилитацией». По ее мнению, при таком подходе реабилитация «оставалась фактически неполной, что явилось в последующем причиной межэтнических столкновений и конфликтов» [11, с. 44].

Исходя из оценок своих предшественников, сводившихся к тому, что «депортация повлекла за собой перераспределение национальных богатств: земли, воды, продовольствия, техники и т.д.», автор делает вывод непосредственно о территориях Узбекской и Киргизской ССР. По ее мнению, они «*фактически были использованы в качестве резерваций без согласия населения и без учета социально-экономических и хозяйственных возможностей*» [11, с. 44].

Вопрос, естественно, носит дискуссионный характер и требует конкретных подтверждений, ответа на вопрос, *применительно к каким этническим общностям он остается незавершенным*.

Опять же, если это касается ингушей на Северном Кавказе, то Чечено-Ингушской АССР как субъекту права в решении этой проблемы взамен Пригородного района были переданы другие административные районы, входившие в состав Ставропольского края. Остальные территории, принадлежавшие ранее принудительно высланным народам, были возвращены. Л.Н. Дьяченко об этом факте

¹ Эти материалы собраны и обстоятельно систематизированы в научном исследовании «На трудном пути создания Ингушской Республики». Записки Председателя Организационного комитета по возрождению ингушской государственности. М.: Издательство «Весь мир», 2012. 444 с.

скромно умалчивает, что делает ее выводы неполными, приводит к половинчатым формулировкам, искажению действительности.

Одним словом, историк несет ответственность за трансляцию своих научных выводов, основанных на выявленных исторических источниках. Однако среди и историков-профессионалов, и преподавателей истории встречается немало искаженной трансляции материалов, далеких от отображения истинного положения вещей. Так, вряд ли можно согласиться с выводами теперь уже доктора исторических наук Л.Н. Дьяченко. Слишком много искаженных толкований этого периода истории применительно к проблеме принудительного переселения народов.

Здесь и такие «новшества», как понятие «советская депортационная политика», «малые народы» России (новая классификация), игнорирование в связи с этим многих фактов истории, подача вымышленных моделей для будущих переселений целых народов – «геополитических депортаций». К тому же Л. Дьяченко являет миру Союз ССР как основателя «геополитических депортаций». Официальные документы 1930–1950-х годов не подтверждают надуманные изыски.

Не понятно и утверждение Л. Дьяченко, почему Киргизская ССР, составная часть Союза ССР, на пространстве которой действовали одни и те же законы, вдруг, как пишет исследователь, *«стала заложницей и проводником депортационной политики центра»*. Автор привлекает для своей аргументации первые попавшиеся ей на глаза статистические данные, а не итоговые показатели, раскрывающие суть того или иного процесса.

Это в полной мере относится к советским корейцам, принудительно переселенным с Дальнего Востока, например на территорию Киргизской ССР. В отношении корейцев не менее интересно и другое «открытие» автора. Главную причину переселения советских корейцев во второй половине 1930-х годов Л. Дьяченко видит исключительно в том, что они (корейцы) «имели собственное государство с буржуазной формой правления».

Оказывается, советские корейцы в наименьшей степени поддавались политике советизации! Но в действительности же корейцы составили костяк партизанского движения на Дальнем Востоке в борьбе за Советы и в период Гражданской войны; в ходе коллективизации у них был самый высокий показатель в крае и т.д. (на октябрь 1931 г. было образовано 200 корейских коллективных хозяйств с 12 тыс. колхозников).

Вряд ли бесспорно утверждение о полной потере права спецпереселенцами на землю, так как все переселенцы в сельской местности получали надел земли. Это определялось постановлением ГКО (об обязательном наделении участком земли). Этот вывод вполне транслируется на Казахскую ССР и другие республики Средней Азии, на территории которых проживали спецпереселенцы. У автора отсутствуют четкие представления об этих процессах. Выводы носят несколько путанный, поверхностный характер, мало что добавляя в решение проблемы в целом [5, с. 40-70].

Искаженное освещение истории формирует неверное представление об этих сложных событиях в первую очередь у молодежи, мало способствует продвижению науки в изучении сложной проблемы в студенческой аудитории. Подобные «новшества» вызывают определенное недовольство, наносят вред нормальному восприятию сложных процессов истории рассматриваемого периода.

Ингушей можно понять, принимая во внимание болезненный процесс решения проблемы, постоянно находящейся в центре внимания в 1990-е годы. Вопрос был поставлен в письме председателя Народного Собрания Республики Ингушетия Р.С. Плиева [13].

И на сей раз он касался конкретно Сунженского отдела республики, на территории которого в период образования Чечено-Ингушской Республики абсолютное большинство населения составляли казаки и ингуши. В последующем республике приходилось отстаивать свое право на принадлежность района, и в этом случае апеллировали к части 3. ст. 67 Конституции России, с помощью которой толковались условия изменения границ.

Вероятно и то, что при решении территориального вопроса, урегулировании возникавших территориальных претензий необходимо было проявлять заботу прежде всего о мире на Северном Кавказе, а не о принадлежности того или иного куска территории.

Тяжелым наследием 1940-х годов в России остались и проблемы территорий Калмыкии. В 1992 г. Верховный Совет Республики Калмыкия издал постановление «О праве землепользования отгонными пастбищами "Черные земли" в государственно-территориальных границах Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» (№ 444). В документе признавалось «...утратившим право землепользования отгонными пастбищами "Черные земли"» (601 тыс. га) в государственно-территориальных границах Республики Калмыкия – Хальмг Тангч, хозяйств Республики Дагестан (в ведении находилось 211 тыс. га), и Астраханской обл. (390 тыс. га) с 12 ноября 1992 года.

Вокруг постановления развернулась дискуссия во всех затронутых в нем субъектах Юга России. Президент К. Илюмжинов выдвинул требование о выплате республике Астраханской областью 20 млн долл. США в качестве арендной платы за использование участка территории в 390 тыс. га «Черных земель» [17].

Одним словом, реализация мер по урегулированию земельных отношений как остававшегося наследия времен принудительного переселения калмыков между Республикой Калмыкия, Астраханской областью и Республикой Дагестан затягивалась на долгое время.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, насколько *актуальным, востребованным* остается *территориальный вопрос*, вызывающий столь острые споры. Этот вывод подтверждают и события в Крыму в связи с возвращением из спецссылки в 1990-е годы крымских татар и представителей других этнических общностей. Поэтому проблема требует особенно серьезного анализа, выводов, оценок в целом.

С.Ш. Казиев (Петропавловский ун-т, Казахстан), посвятивший свою диссертацию проблемам обустройства казахского народа на разных этапах его истории, занимает более выверенную позицию в оценках этих процессов применительно к 1930–1940-м годам, связанным с огромным притоком переселенцев (около 540 тыс. чел. эвакуированных), а также спецпереселенцев на территорию Казахской ССР (около 500 тыс. человек).

Им высказано несогласие с утверждением в науке сущности самой депортации как *«абсолютного зла», направленного на этноцид народов* [12, с. 27].

Он также утверждает, что политический режим в Союзе ССР *«никогда не преследовал уничтожение какого-либо народа»*. По мнению исследователя, такой подход *«уводит в сторону от других вопросов, а именно: по каким причинам проводилось "наказание" народов»* [12, с. 27], степень участия в них соседних этнических групп, конкурирующих за ограниченные земельные ресурсы.

В связи с изложенным необходимо обратиться к подготовленным и опубликованным итогам Международного проекта *«Депортация народов в Казахстан в 1930–1950-е гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортации в 1930–1950-е годы в Казахстан)»*. Отв. ред. Б. Ракишева. Астана, 2013. 683 с. Проект

был инициирован Ассамблей народов Казахстана и Международным фондом гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ в 2010 г. Конечно, предъявлять претензии к тем, кто давал интервью, было бы безнравственно.

Но к тем ученым, кто занимался оформлением издания, претензии имеются. Руководитель проекта Д.В. Полетаев (Центр миграционных исследований Института народнохозяйственного прогнозирования РАН), по нашему мнению, поспешил со своими рекомендациями. «Кроме всего прочего, – утверждает Д.В. Полетаев, – проект – это база данных этих интервью для историков, для тех, кто после нас будет писать об этом... Эти интервью будут представлять из себя очень удобные источники для тех, кто будет когда-нибудь писать по этой теме» [12, с. 27].

К сожалению, сборник – это пример того, как не следует делать. Вполне понятна цель зафиксировать воспоминания так, как они воспроизводятся теми, кто ими делится. Но нужны и оценки чисто научного характера, которые, увы, не последовали. Нет выводов по народам, путаница в численных характеристиках, низкий уровень редакции. Редактор не обратила внимания даже на то, что Карелия и Корея – это совершенно разные понятия в названии государственности на территории СССР и самостоятельного государства в Юго-Восточной Азии. Поэтому появилась ложная информация о каких-то претензиях японцев к Карелии и пр., чего никогда не было. Остается вопрос о направленности сборника «во имя будущего». В чем она? Как понимается составителями сборника? Нет кардинальных выводов по всей эпохе. А главный вопрос – о пользе труда: что несет он в студенческую аудиторию, специалистам?

Несомненно, идея дальнейшего изучения темы заслуживает поддержки. Но в решении такой сложной научной проблемы все-таки в значительной мере было бы целесообразным опираться на архивные документы ведомств, в прошлом призванных курировать это направление. Надо полагать, что это известно и всем ученым. Согласиться же с мнением Д.В. Полетаева – определенно грубая ошибка, все равно что выдать еще одну порцию неверных сведений о той ситуации, которая формировалась в условиях принудительных переселений в советском государстве.

Безусловно, для передачи эмоционального настроения, выяснения роли таких социальных факторов, как доверие, взаимопонимание, сотрудничество, взаимодействие, характер отношений между представителями разных этнических общностей и индивидуально между гражданами, свидетельства в этом сборнике весьма ценны, но историческая, научная часть, к сожалению, оставляет желать лучшего. Сборник в этом плане совершенно не проработан. Следовательно, тем, «кто будет писать» по теме, совет может быть один – осторожно обращайтесь с подобным источником.

Определился в своих суждениях и П.М. Полян, называя депортацию принудительной миграцией. Правда, в данном случае и до него был создан огромный пласт литературы. Но увлеченность П.М. Поляна характером, оценками политики как репрессивной осталась. «Советская репрессивная практика мер», «депортационная советская политика», одним словом, депортационная активность власти перехлестывает, выступая постоянным намеком на то, что подобные действия принадлежат исключительно Советскому Союзу, России. Вместо понятия «механизм репрессий» появляется новое – «депортация – вид репрессий», то есть реализацию мер теперь следует рассматривать не как механизм, а как «вид репрессий».

Кстати, что касается этнических общностей, выселявшихся в полном составе, то приведенные П. Поляном сведения не совсем точны. Он причисляет к

этому 10 народов. Но на практике же выселялись: корейцы, иранцы, курды, ингерманландцы, китайцы, греки, карачаевцы, калмыки, немцы, чеченцы, лазы, крымские татары, армяне и болгары в РСФСР, турки-месхетинцы, хемшины (хемшилы), итальянцы, поляки – всего 18.

Не очень привлекателен и вывод автора: в «новом» определении, оказывается, имеется еще и «особая специфика депортаций». По Поляну, суть в том, что «они не индивидуальны, они контингентны». Тогда возникает вопрос, как быть с теми, кто численностью от 1 до 10 человек выселялись совместно с «контингентными»? Например, с немцами с территории Крыма выселялись единицами греки, татары, евреи, датчане, шведы, мадьяры, французы, бельгийцы, голландцы, мордва, чехи, караимы и др.; с территории Северного Кавказа – грузины, адыгейцы, арабы, сваны, турки. Одним словом, представители 58 национальностей [ГА РФ. Ф.–Р.9479. Оп.1. Д.436. Л.26 и др.].

Тогда это снимает с повестки дня понятие «депортация по национальному признаку» или позволяет игнорировать таковое. П.М. Полян добавляет еще одну «заморочку»: принцип осуществления мер – «административный принцип», основа – отсутствие судебных решений, но ведь есть юридическая основа – постановления ГКО, штабов фронтов, военных советов, партийных организаций, призывавших к реализации этих мер, или, по Поляну, «депортационных кампаний».

П.М. Полян, вероятно, до сих пор «ловит» какую-то «географическую структуру того, что происходило, что мы (кто это?) называем депортациями» [9, с. 669].

Правда, с оценкой его собственного труда вполне можно согласиться, как и с его мнением, что «собственный архивный поиск ... занимает какие-то там 5% того эмпирического материала, на который я опирался» [14, с. 698].

Вероятно, нельзя называть (так как это будет неверным) депортацию не только сталинской, но и этнической, то есть «по национальному признаку». Возникает вопрос: а те, кто не депортировался, не имели принадлежности к определенной национальности? По отношению к кому «национальный признак»? Правда, у П.М. Поляна есть понятие того, что казаки России не имели национальности, хотя, как известно, в состав казачества входили русские, украинцы, калмыки, кабардинцы, буряты, якуты, камчадалы и представители многих других этнических общностей.

И что особенно важно, так это вывод из повествования П.М. Поляна в его очередном научном труде: «Казахстан в данном случае, наверное, один из самых ключевых регионов, и связано это со всей страной» [14, с. 666-669].

Это точно, так как снова напрашивается вопрос: была ли это депортация или все-таки принудительное переселение, а у географов – «вынужденная миграция»?

Ширин Акинер (Кембриджский ун-т) – научный сотрудник, эксперт по Центральной Азии и Каспийскому региону, останавливаясь на трактовке понятии «депортация», предполагает, что переселение даже на короткое расстояние надо рассматривать не иначе как «депортация» [18, с. 669-670; 7].

В связи с этим ею же приводится интересный пример: «Я увидела, обнаружила для себя, что это не только в России, но и даже в Британской империи были такие депортации, в частности чагосяны. В Индийском океане есть остров Чагос, и американцы хотели во время холодной войны строить военную базу. Буквально за один день депортировали все население совершенно в другие места, их оставили, а потом у них ничего не было. Они очень страдали, умирали, начали пить, работы не было, ужасные условия». По предположению автора статьи, это было несколько лет тому назад (2008). Суд Великобритании даже оправдал их и наделил правом на возвращение, но реализация этих мер так и

не состоялась. Необходимо ответить на вопрос: была ли это депортация, если эти действия проводились в географических рамках Сейшел? Разумеется, нет: если жителей переселяли на территории одного государства, то, несомненно, фактор депортации здесь ни при чем.

В правовом отношении не отличалось ничем иным и принудительное переселение США начала 1950-х годов (1953 г.), когда было проведено насильственное выселение *иннуитов* (Гренландия). Цель – освободить место для новой ракетной батареи. Командир армии США велел иннуитам «убираться, дав им на сборы четыре дня». Все население было увезено в новую деревню, скоростным методом построены трущобы, на расстоянии 125 миль от прежнего места проживания. Американская пропаганда представила эти события и общественности США, и мировой как добровольное переселение иннуитов. Все это позволяет еще раз сделать вывод, что на первое место всегда ставятся именно интересы государства [7, с. 471; 3, с. 480].

В этом случае мы наблюдаем проявление сущности защиты прав народов по-американски. *Украина и США как партнеры явили миру новую форму принудительного переселения – расстрел населения.*

Фактически Украиной по рекомендации американских советников был повторен опыт США, безжалостно поступивших с переселенцами главным образом эскимосов.

Во всех сообществах происходит постоянная борьба за территорию. В связи с этим Ширин Акинер приводит удачный пример с Австралией, где правительство «тоже депортировало аборигенов с мест с богатым месторождением минеральных ресурсов ... местным добывать их не разрешалось. Территории были зачищены от аборигенов, они были «просто депортированы»».

Имели место извинения со стороны Австралийского правительства, «но аборигены также не вернулись к своим землям» [18, с. 669-670].

Одним словом, необходимо в каждом отдельном случае анализировать причинно-следственный ряд и делать обобщающие выводы.

Несколько слов о том, что нет четкого толкования понятий «депортация» и «принудительное переселение» или вообще «переселение». Так, например, переселение этнических турок-месхетинцев в Турцию поясняется тем, что это надо понимать не как «принудительное переселение», а как переселение в рамках одного государства. Этой точки зрения придерживается Хаяти Тюфекчиоглу.

Выводы из всего изложенного очевидны. И их, кстати, верно сформулировала Ширин Акинер: «Надо понимать, почему это делалось ... это очень важно понять, понимать суть этого процесса, если мы хотим избегать таких ошибок в дальнейшем, это не тот уникальный случай, нет, *это образ поведения*, и надо его изучать, чтобы потом лучше понимать этот процесс в целом» [18, с. 669-670].

Дискуссионной стала и проблема постоянно навязываемого покаяния. Ее последовательными приверженцами остаются авторы статьи А.А. Алафаев, Х.-М.Б. Сабанчиев [2, с. 79-90]. Она рассматривается ими как основа (стимул) для деятельности, в том числе и балкарского национального движения в России, и как чуть ли не «идеология в культуре и политике», как основа морально-политического скрепа и для народа, и для каждой личности отдельно.

Весьма проблематичным остается вопрос о всевозможных покаяниях, который постоянно вызывает к жизни формулу «кому каяться и перед кем». Вопрос не бесспорен. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. – это уже покаяние, хотя и заслуживает двойкой оценки. Но в плане цивилизационного подхода проблема переведена из вербального состояния в

практическую, правовую плоскость. С одной стороны, закон стал важным историческим документом, в котором Россия (!) впервые осудила пагубную национальную политику, а с другой стороны, принятие этого Закона способствовало усилению конфронтационной ситуации на местах, породило неразрешимые проблемы, вызвало к жизни муссирование общества вокруг разных надуманных идеологических схем.

Конечно, здесь все направлено в адрес русского народа. Его покаяние перед подвергшимися репрессиям народами, что по своей направленности также носит надуманный характер, противоречит всякому здравому смыслу. В принудительном переселении, особенно в разработке нормотворческой базы, проведении операций, например на Северном Кавказе, активным было участие грузин. Более того, аппарат НКВД СССР во многих союзных, автономных республиках был представлен грузинами (Рапава, Цанава, Гоглидзе, Ш. Церетели, Л. Берия, Гр. Каранадзе и мн. др.). А на Дальнем Востоке активную роль в принудительном переселении советских корейцев, казаков, например, играли Г.С. Люшков, М.М. Гвишиани и др.

Выводы. По нашему мнению, вряд ли обществу надо формировать самосознание и национальное сознание только на примерах репрессий, жертвоприношения, параймоса (цыгане), Холокоста, анфаль (курды) и пр. Прошлое – это история, и оно должно находить отражение в сознании общества, но не продавливаясь ежедневно СМИ, транслироваться в общество для его бесконечного возбуждения, дестабилизации обстановки.

Российское сообщество пока не может дать ответ на вопросы, в каком же по характеру общественных отношений государстве оно существует, какие его стратегические цели, какие модели предлагаются для его развития, для создания условий более комфортного обитания всех народов в этом государстве. Однозначно, на моделях прошлого, примерах репрессий, бесконечных покаяниях этого не построишь.

И в заключение необходимо обратиться к такому фактору в жизни общества, как *доверие*, значение которого также рассматривалось в форме дискуссии, прежде всего к его роли в строительстве межэтнических отношений, в том числе и в условиях принудительного переселения, другой обстановки. В этом плане заметный вклад внесли в разработку проблемы и историография Казахстана, Узбекистана (Г. Ким, А. Рахманкулова и др.).

У народов доверие проявляется по-разному. Об этом свидетельствуют и многие исторические документы, отражающие жизнь принудительно переселявшихся граждан. Даже в этих условиях многие вели себя достойно, не забывая о своей человеческой сущности. Это и советские корейцы, и финны-ингерманландцы, и немцы, и др.

К сожалению, такие органичные понятия, как надежное партнерство, сотрудничество (соработничество), доверие, применительно ко многим этническим общностям еще слабо изучены наукой, но постепенно обретают истинное содержание. С.Ш. Казиев предпринял попытку продемонстрировать это именно посредством такого социального понятия, как *доверие*.

Как известно, *межэтническое доверие* – это часть социального доверия. По мнению ученых, представляющих в исследованиях не только психологические установки населения, но и основной социальный ресурс многонационального общества, *доверие рассматривается как средство более глубокой консолидации и*

сплоченности общества. Оно сочетается со строгим учетом таких норм как поведение в обществе, отношение к этнической общности на индивидуальном уровне, отношение к труду. Это остается пока в числе важных составляющих нашего многонационального сообщества в государстве.

В определенной мере ответ на этот вопрос дает исследователь С.Ш. Казиев. Сравнивая положение этнических общностей в условиях принудительного переселения, их отношение к каждой из них, он замечает следующее: «Вайнахи сознательно самоисключали себя из местного полиэтничного сообщества, *отвергая путь завоевания доверия у местных жителей, как это сделали немцы, корейцы, турки* [как этой позиции придерживались и курды-езиды. – Н.Б.]».

И далее С. Казиев отмечает, что «в противостоянии с властью и окружающими народами вайнахи выработали гибкие коллективные стратегии поведения. В чем их суть? Ими предполагалось временное подчинение сложившимся обстоятельствам, умелое использование и подкуп местных руководителей, сотрудников правоохранительных органов в своих целях, насилие и притеснения в отношении более слабых соседей, сотрудничество и подчеркивание своего религиозного единства с более сильными соседями» [12, с. 337, 394]. Конечно, вряд ли будет правильным распространять подобное заключение на всю этническую общность.

Здесь также возникают вопросы.

Ученым предстоит многое сделать, чтобы дать ответы на пока еще существующие вопросы этого сложного периода в истории страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 1937. Русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее. – Москва-Владивосток-Уссурийск, 2018. – С. 15, 16, 17.
2. Алафаев А.А., Сабанчиев Х.М.-А. Реабилитация балкарского народа: проблемы решения // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 79-90.
3. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). – М., 2012. – С. 480.
4. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). – М., 2006. – С. 440-443.
5. Бугай Н.Ф. Дискуссионные аспекты в изучении проблемы принудительных переселений народов в Союзе ССР // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2015. – № 4-6. – С. 40-70.
6. Бугай Н.Ф. Защита состоялась, проблемы остаются // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 7 (35). – С. 118-132.
7. Бугай Н.Ф. Проблемы территорий в условиях принудительных переселений XX века. – М.: Наука, 2018. – 471 с.
8. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). – М., 1998. – С. 111.
9. Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930–50 годы в Казахстан). – Астана, 2013. – (Сер.: Устная история) / Ред. Б.И. Ракишева. – С. 669.
10. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): Дис. ... д-ра ист. наук. – Фрунзе, 2013. – С. 4.

11. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Бишкек, 2013. – С. 44.
12. Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2016. – С. 27.
13. Письмо председателя Народного Собрания Республики Ингушетия Р.С. Плиева (Обращение депутатов Народного собрания Республики Ингушетия, принято 13 февраля 2003 г.) на имя председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова от 13 февраля 2003 г. Копия.
14. Полян П.М. Интервью с ученым // Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории» (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930–50 годы в Казахстан). – Астана, 2013. – (Сер.: Устная история) / Ред. Б. И. Ракишевой. – С. 698.
15. Реабилитация репрессированных народов России. Сборник документов. – М.: Инсан, 2000. – С. 75.
16. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. – М.: Капъ, 1994. – С. 169.
17. Служебная записка зам. руководителя Департамента кризисных ситуаций Минфедерации России. В.Ф. Мовчана о кризисных и конфликтных ситуациях в сфере этнополитических отношений в мае – июне 2001 г. на имя министра А.В. Блохина от 22 июня 2001 г. Копия / Архив автора.
18. Ширин Акинер. Интервью // Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930–50 годы в Казахстан). – Астана, 2013. – (Сер.: Устная история) / Ред. Б.И. Ракишевой. – С. 669-670.

REFERENCES

1. 1937. Russian-speaking Koreans – past, present and future. [1937. Russkoyazychnyye koreytsy – proshloye, nastoyashcheye i budushcheye]. Moscow-Vladivosto – Ussuriysk, 2018. S. 15, 16, 17. In Rus.
2. Alafaev A.A., Sabanchiev H.M. – A. Rehabilitation of the Balkarian people: problems of solution [Reabilitatsiya balkarskogo naroda: problemy resheniya] // Patriotic History. 2008. No. 1. P. 79 In Rus.90. In Rus.
3. Bugai N.F. Problems of repression and rehabilitation of citizens: history and historiography (20th century beginning of the 21st century). [Problemy repressiy i reabilitatsii grazhdan: istoriya i istoriografiya (KHKH v – nachalo KHKHI v.]. M., 2012.S. 480. In Rus.
4. Bugai N.F. Rehabilitation of repressed citizens of Russia (XX - beginning of the XXI century). M., 2006.S. 440-443. In Rus.
5. Bugai N.F. Discussion aspects in the study of the problem of forced migration of peoples in the USSR [aspekty v izuchenii problemy prinuditel'nykh pereseleniy narodov v Soyuze SSR // «Belyye pyatna» rossiyskoy] // White Spots of Russian and World History. No. 4-6. 2015. S. 40-70. In Rus.
6. Bugai N.F. Protection took place, problems remain [Zashchita sostoyalas', problemy ostayutsya] // Volga Scientific Bulletin. No. 7 (35). 2014. S. 118-132. In Rus.

7. Bugai N.F. Territory problems in conditions of forced resettlement of the twentieth century. [Problemy territoriy v usloviyakh prinuditel'nykh pereseleniy KHKH ve-ka]. M.: Nauka, 2018. 471 s. In Rus.
8. Bugai N.F. Social naturalization and ethnic mobilization (experience of Russian Koreans). [Sotsial'naya naturalizatsiya i etnicheskaya mobilizatsiya (opyt rossiyskikh koreytsev)]. M., 1998. S. 111, and others. In Rus.
9. The deportation of peoples to Kazakhstan in 1930–1950: a commonality of history "(interviews with victims of deportations in 1930–50 to Kazakhstan). [Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930–1950 gg.: obshchnost' istorii» (interv'yu s postradavshimi ot deportatsiy v 1930–50 gody v Kazakhstan).] Astana, 2013. – (Oral History Series) / Ed. B.I. Rakisheva. S. 669. In Rus.
10. Dyachenko L.N. Deported peoples on the territory of Kyrgyzstan (problems of adaptation and rehabilitation). [Deportirovannyye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii)]. Dis. ... Doctor of Historical Sciences, Frunze, 2013.S. 4. In Rus.
11. Dyachenko L.N. Deported peoples on the territory of Kyrgyzstan (problems of adaptation and rehabilitation). [Deportirovannyye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii).] Abstract. dis. ... Doctor of History Bishkek, 2013.S. 44.
12. Kaziev S.Sh. Soviet national policy and confidence issues in interethnic relations in Kazakhstan (1917–1991). [Sovetskaya natsional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyakh v Kazakhstane (1917–1991 gg.)]. Dis. ... Doctor of History M., 2016.S. 27. In Rus.
13. Letter from the Chairman of the National Assembly of the Republic of Ingushetia R.S. Pliev (Appeal of deputies of the National Assembly of the Republic of Ingushetia, adopted on February 13, 2003) addressed to the Chairman of the Government of the Russian Federation M.M. Kasyanov, \Pis'mo predsedatelya Narodnogo Sobraniya Respubliki Ingushetiya R.S. Pliyeva (Obrashcheniye deputatov Narodnogo sobraniya Respubliki Ingushetiya, prinyato 13 fevralya 2003 g.) na imya predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy] February 13, 2003. Copy. In Rus.
14. Polyan P.M. Interview with a scientist // Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930–1950: a commonality of history "(interview with victims of deportations in 1930–50 to Kazakhstan). [Interv'yu s uchenym // Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930–1950 gg.: obshchnost' istorii» (interv'yu s postradavshimi ot deportatsiy v 1930–50 gody v Kazakhstan)]. – Astana, 2013. – (Oral History Series) / Ed. B.I. Rakisheva. S. 698. In Rus.
15. Rehabilitation of the repressed peoples of Russia. Collection of documents [Reabilitatsiya repressirovannykh narodov Rossii. Sbornik dokumentov]. M.: Insan, 2000. S. 75.
16. Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush. Documents, facts, comments. [Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingushi. Dokumenty, fakty, komentarii] M.: Kap, 1994, S. 169. In Rus.
17. Memo to the deputy. Head of the Department of Crisis Situations of the Ministry of Federation of Russia. V.F. Movchan on crisis and conflict situations in the field of ethno-political relations in May – June 2001 addressed to the Minister A.V. Blokhin dated June 22, 2001. Copy [Sluzhebnyaya zapiska zam. rukovoditelya Departamenta krizisnykh situatsiy Minfederatsii Rossii. V. F. Movchana o krizisnykh i konfliktnykh situatsiyakh v sfere etnopoliticheskikh otnosheniy v maye – iyune 2001

g. na imya ministra A. V. Blokhina ot 22 iyunya 2001 g. Kопiya] // Archive of the author. In Rus.

18. Shirin Akiner. Interview // The deportation of peoples to Kazakhstan in 1930–1950: a commonality of history "(interview with victims of deportations in 1930–50 to Kazakhstan). – [Shirin Akiner. Interv'yu // Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930–1950 gg.: obshchnost' istorii» (interv'yu s postradavshimi ot deportatsiy v 1930–50 gody v Kazakhstan)] Astana, 2013. – (Oral History Series) / Ed. B.I. Rakisheva. S. 669–670. (In Rus.)

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Института российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. ул. Дм. Ульянова, д. 19. 117292.

г. Москва, Россия.

ORCID 1D: [http:// orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)

Email: nikolay401@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 04.06.2020

Статья принята в печать: 27.06.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Bugay Nikolay Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor to the Russian Federation, Class III. st. Dm Ulyanova, d. 19. 117292.

Moscow, Russia.

ORCID 1D: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)

Email: nikolay401@yandex.ru

The article was received by the editors: 04.06.2020

The paper was accepted for printing: 27.06.2020

The author has read and approved the final manuscript.